Глазами надзирателя. Внутри самой суровой тюрьмы мира

Автор:
Нил Сэмворт

Глазами надзирателя. Внутри самой суровой тюрьмы мира

Нил Сэмворт

На передовой. О запутанных преступлениях и тех, кому под силу их раскрыть

Существуют профессии, про которые не принято говорить, и эта книга об одной из них. Ее автор, Нил Сэмворт, более десяти лет проработал офицером в британской тюрьме строгого режима. Как обычный парень из неблагополучного района, работавший то на заводе, то вышибалой в баре, очутился в этом хмуром викторианском здании, больше напоминающем лабиринт и набитом отъявленными преступниками? В своей книге Большой Сэм – так называли его коллеги и заключенные, – не приукрашивая истории и не сглаживая острые углы, рассказал о том, что происходило в местах, где ему довелось служить тюремщиком. Нравы, царившие там, отношения между надзирателями и заключенными, будни и праздники, внутреннее устройство тюрьмы и обязанности служащих, алкоголь и наркотики, бунты и пожары в камерах. Можно ли что-то изменить в этом мрачном укладе? Можно ли победить бесчеловечность, уже ставшую привычкой для такого места?

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Нил Сэмворт

Глазами надзирателя. Внутри самой суровой тюрьмы мира

Посвящается

Ивонн Фрэнсис Сэмворт, моей маме

Neil Samworth Strangeways: A Prison Officer’s Story

Copyright © Neil Samworth 2018 Author’s photo © Amy Louise Fairest Cover design by Melissa Four, Pan Macmillan Art Department.

© Шустова А.П., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Там, где это было необходимо, имена были изменены, чтобы защитить невинных, а иногда и виновных.

Пролог

Надо отдать ему должное: он был не просто преступником, но и поджигателем. И, как и я, он был из тех, кто сделал карьеру в тюрьме – только по другую сторону решетки.

Его звали Томас Райли, и своим поведением он вредил себе больше, чем кто-либо другой. У него была тяжелая жизнь, и это было заметно. Серийный поджигатель, полубезумное существо, которое никогда не выйдет на свободу, он был отправлен в больничное крыло. Вспомните Голлума из «Властелина колец» – только Райли был еще уродливее.

Он был из тех заключенных, которых легко возненавидеть, из тех, кто постоянно думает о мести. У Томаса Райли было несколько историй с пожарами в камерах, и однажды он причинил себе серьезный вред. Он завязал спортивные брюки на лодыжках, наполнил штанины сахаром и поджег. Сахар, конечно, растаял – как и икроножные мышцы Томаса. Он не мог ходить целую вечность, и это делало его еще более жутким. Райли не столько говорил, сколько кричал. Когда-то он, должно быть, был чьим-то сыном, чьим-то малышом, его любили, водили в парк и все такое. А сейчас он был здесь, чахлое гребаное нечто.

Пожары в камерах – это реальная проблема в каждой тюрьме, и Стрэнджуэйс не исключение. Чаще всего это происходит в изоляторах, там, где содержатся наиболее неблагополучные заключенные, хотя некоторая доля пожаров приходится и на медицинское отделение. Я уже некоторое время работал в больничном крыле и научился справляться с психически больными заключенными, которые в основном и наполняли это место. Большинство поджигателей камер не собираются кончать с собой – это манипуляция. Они просто хотят причинить сотрудникам тюрьмы как можно больше неприятностей.

В тот день я был на ночном дежурстве и почувствовал, что с Райли что-то не так. Он казался еще более странным, чем всегда, словно одержимым чем-то, поэтому я на всякий случай положил шланг вдоль пола его камеры. По ночам в медицинском отделении свет выключают, и, как только мы это сделали, заключенный врубил музыку. Он часто не ложился спать часами. Через некоторое время я начал думать, что музыка слишком громкая, а еще мне не нравилась песня, которую он выбрал. У него вовсю гремела песня Firestarter[1 - Игра слов: firestarter можно перевести как «подстрекатель» и «поджигатель».] группы The Prodigy, а я больше люблю Def Leppard. Я заглянул в маленький стеклянный люк в его двери. Конечно же, он был там, беснуясь и танцуя, как Кит Флинт[2 - Кит Чарльз Флинт – вокалист и танцор британской электронной группы The Prodigy, песня которой звучит в тот момент.].

– Бу-у-ум! Я – зачинщик неприятностей, панк-подстрекатель…[3 - Строчка из песни Firestarter: I’m the trouble starter, punkin’ instigator.]

Парень по-настоящему увлекся. В руке у него была зажигалка, и, пока я смотрел, он наклонился и щелкнул ею – сигнал, которого я ждал. Я приоткрыл люк и вставил туда конец шланга.

– Томми, – крикнул я, но он меня словно не слышал. – Томми!

Края его спортивных штанов вспыхнули, затем пламя перебралось на футболку.

– Томми!

Наконец он откликается и оборачивается как раз в тот момент, когда струя воды бьет ему в лицо.

Кит все еще пел какое-то время – по крайней мере, минуту, – но Райли замолчал. Он больше не танцевал. Он стоял лицом ко мне, с зажигалкой в руке, промокший до нитки.

Вверх и вниз летели брызги, а он смотрел на меня, кипя от злости. Я поливал камеру, пока все остальное не стало таким же мокрым, как и он. Я даже направил шланг на этот его долбаный магнитофон и облил тоже. Это вырубило наконец The Prodigy.

Хорошо поработав, я закрыл люк и вошел в кабинет, где сидела медсестра, занимаясь бумагами.

– Пожар в камере, – сказал я, и она тут же вскочила. – Не волнуйся. Разобрались.

У нашего Голлума все еще была зажигалка, но поджигать было нечего. После такого происшествия нужно было периодически проверять его – пять раз в час мы должны были заглядывать к нему.

Зимой в камерах под утро становилось холодно, и около трех-четырех часов Райли нажал на кнопку звонка, и я пошел его проведать..

– Все в порядке, Томми?

– Черт побери, мистер Сэмворт. Я тут замерзаю до смерти.

– Ну, парень, если ты снова собираешься поджечь себя… Хочешь свежее постельное белье?

Да, он хотел, еще бы.

– А как насчет зажигалки?

Он протянул ее мне.

– Хочешь чая, Томми? – предложил я.

– Ага, – сказал он и добавил с сарказмом: – Пожалуйста.

Ничто и никто не сможет полностью подготовить сотрудников к пожарам в камерах. В тюрьме много больших страшных людей, но, когда вспыхивает пожар, это еще страшнее.

Еще был парень, которого перевели к нам из тюрьмы для особо опасных преступников Уэйкфилд, или, как ее еще называют, из «Особняка монстров». В Уэйкфилде заключенных содержат дольше и в более спокойной, если так можно выразиться, обстановке, чем в Стрэнджуэйс, а само учреждение отличается высоким уровнем безопасности. Это, должно быть, похоже на приезд из монастыря в ночной клуб – огромная перемена. Этот парень явно не был этому рад. Пробыв здесь всего полдня, он поджег телевизор и, завернувшись в мокрые полотенца, спрятался под кровать. Крыло наполнилось дымом. Я уже сдал смену, так что услышал об этом только на следующий день.

К счастью, все потушили, а его вытащили. Наказание для него выбрали довольно необычное. Инцидент занесли в его личное дело, а отчет направили в полицию, как это всегда бывает в серьезных случаях. Было довольно неожиданно, но за дело взялась Королевская прокурорская служба (КПС). Пожары в камерах – это всегда очень неоднозначные дела, и каждый второй случай, который я видел, расследовался своими силами. Этот парень стал первым заключенным, когда-либо получившим пожизненный срок по видеосвязи. Он и до того случая был приговорен к пожизненному заключению, но в реальности люди с пожизненным сроком, конечно, не проводят в тюрьме всю жизнь.

Самое короткое заключение, что я видел, – это восемнадцать месяцев; но чаще всего «пожизненные» сроки длятся около тридцати пяти лет.

Теперь же ему действительно грозило провести в тюрьме всю жизнь.

В настоящее время в британской тюремной системе находится около 400 заключенных, которые никогда не выйдут на свободу. Популярный миф о том, что их всего пять, – это ложь. Некоторых хотят запереть навсегда. Убийцы Ли Ригби всегда будут угрозой, наши поджигатели тоже. Это не просто хулиганская выходка. В крыле было более 200 человек – персонал и заключенные, – чьи жизни он мог бы оборвать.

Сообщения о серьезных происшествиях в тюрьме, нападениях с ножом, пожарах в камерах, метании мочи, даже плевках регулярно поступают в КПС. Тем не менее расследуется далеко не все.

То, что происходит в тюрьме, остается в тюрьме. Однажды мне сломали челюсть – никакого расследования.

Некоторые думают, что офицеры в тюрьме только и ждут, чтобы подраться, – ну, это чушь собачья. Я, конечно, 180 см ростом и вешу 110 кг, но далеко не все могут похвастаться такими данными. Тюремный офицер – это просто государственный служащий.

Каждый день в тюрьме – это история стойкости и агрессии в среде, где мало кто осмеливается просить о помощи.

Британские тюрьмы катастрофически страдают из-за нехватки финансирования и подлинной воли к переменам, если только под этим вы не подразумеваете вмешательство бумагомарателей, счетоводов и политиков, которые никогда в жизни не сталкивались с тюремной реальностью и обделались бы от страха, если бы их когда-нибудь попросили сюда явиться.

Ярость. Я знаю все о ярости. Я видел ее постоянно, когда поступил на службу в тюрьму, и это то, что было во мне, когда Стрэнджуэйс пережевал меня и выплюнул. Работа в тюрьме делает это со всеми. В Британии не только камеры затягивает дымом – это касается всей тюремной службы. И, пока мы всерьез не займемся тушением огня, всегда есть опасность, что он вырвется из-под контроля.

1. Доброе утро, судья

Там, где я вырос, всегда был шанс стать преступником – просто в силу того, что тебя окружает. Среда сильно влияет на человека. У меня были друзья, сидевшие в тюрьме, – не все они были плохими людьми. Они совершали плохие поступки, но часто именно среда приводила их к этому. Когда-то, еще подростком, в Шеффилде я сам несколько раз сталкивался с законом. Всего лишь драки по ночам, ничего серьезного – кулаки, а не ножи или избиение людей, лежащих на земле. В подростковом возрасте я ничего так не любил, как отчаянную драку, и четыре раза попадал в суд. Каждый раз нужно было предстать перед судьей, извиниться и получить предупреждение и штраф в 80 фунтов (примерно 8000 рублей).

Несколько лет назад я встретился с компанией старых приятелей. Они знали, что я тюремщик, и изводили меня этим всю ночь. Ближе к закрытию бара они сказали, что собираются докопаться до двух других парней, которые сидят за нами, и предложили мне выйти оттуда. Заметка об этом случае попала на первую полосу The Sheffield Star.

Один мой знакомый торговал наркотиками. Если бы я хотел употребить, но у меня не было денег, он запросто сказал бы: «За мой счет».

Я так не делал, но это был не вопрос морали. Мне просто не было интересно. Я однажды тоже чуть не попал по полной.

Однажды вечером, вскоре после того, как меня выгнали из старшей школы, мы с приятелем выходили на улицу, когда подъехал «Ровер» 2000 года. Парня за рулем мы знали уже кучу лет.

«Может, вас подбросить?»

Стоило нам отъехать, с другой стороны улицы появилась полицейская машина, и внезапно мы начали удирать от нее; он гнал, как ненормальный. Только тогда до

меня дошло, что машина не его. К счастью, тот парень высадил нас до того, как его нагнала полиция. За угон он получил тюремный срок. Друзья и знакомые становятся жуликами, головорезами и наркоторговцами – такова жизнь.

В последний раз, когда я попал в суд, вот в чем было дело: меня арестовали за драку, а потом обвинили в бродяжничестве: в тот день я отдал последние 20 фунтов (примерно 2000 рублей) приятелям, чтобы они могли купить нам карри. Я уже бывал у этого судьи, и он назвал меня проблемным ребенком, хотя мне только что исполнился двадцать один год. Он послал меня к врачу, который сообщил, что я «абсолютно сумасшедший», – между безумием и гениальностью огромное расстояние, заметил он, – и сказал что не уверен, на какой я стороне.

Во всяком случае, я больше не попадал в суд – главным образом потому, что меня никогда больше не ловили, а к двадцати пяти годам и вовсе успокоился. К тому времени я уже направлял свою агрессию в регби.

Я хорошо учился в школе, хотя и ненавидел это место. Только из-за регби я дотянул до старших классов, пока меня не «попросили уйти».

Это было справедливо: там я был не к месту. Я жил ради регби. В семнадцать лет я начал играть за «Шеффилд Тайгерс Кольтс» и со временем, после того как из меня выбили все дерьмо, приобрел определенную репутацию. Однако в двадцать с небольшим я начал набирать вес и дошел до 140 кг, стал слишком тяжелым. Мой друг сказал: «Хватит», и мы, как в фильме «Рокки 4», бегали в гору с кирпичами на спине. У меня совсем не оставалось времени влипать в неприятности.

Когда я подавал заявление в тюремную службу, то немного беспокоился, что эти подростковые выходки и попадания к судье окажутся в моем досье, но о них ничего не было сказано. Думаю, что на самом деле все это сослужило мне хорошую службу, потому что я понимаю, откуда выходят некоторые преступники, почему они стали такими и как попали за решетку. К тому же, когда я поступил на службу в тюрьму, я уже достаточно повзрослел. Ужасы, которые я видел еще до того, как попал в Стрэнджуэйс, быстро бы заставили кого угодно возмужать.

Моя дорога в тюрьму Ее Величества «Манчестер» была довольно извилистой. Я родился в Южном Йоркшире в 1962 году. Первые сорок лет жизни я провел в Шеффилде, около половины из них жил с мамой и сестрой. Отец оставил нас, когда мне было два. На самом деле я не горю желанием называть его своим отцом, так как это слово вызывает в воображении образ того, кто всегда рядом, того, кто заботится о тебе. А он никогда этого не делал. Когда мне было лет четырнадцать, в дверь постучали. Я только что вернулся из школы. На пороге стоял мужик.

– Нил, верно? Ты знаешь, кто я?

– Ага, мой папашка, – сказал я и захлопнул дверь прямо у него перед носом.

Но мы виделись с его родителями пару раз в год: они всегда были добры к нам.

Мы жили в Уокли, довольно бедном районе к югу от Хиллсборо. В основном, однако, я помню, как мы жили уже с нашей бабушкой в Вернон-Террас, Кросспул, более богатом районе. Там у нас был тесный дом с тремя спальнями. И нас было много: мамина сестра тетя Пэт, ее четверо детей – она была в разводе, – мои бабушка и дедушка, у которых была болезнь Паркинсона, и дядя Дон, мамин брат-близнец, живший на чердаке. В какой-то момент к нам втиснулась и его невеста. По соседству жила тетя Фреда, бабушкина сестра, которая пекла больше, чем Мэри Берри[4 - Мэри Берри – британская кулинарная писательница и телеведущая, которую часто называют «лучшей подругой домохозяек».]. У нас были крепкие кровные узы.

Мама работала на трех работах, уборщицей или кем-то еще, пытаясь обеспечить нас.

Ее девичья фамилия была Пиллинг, Сэмворт – фамилия моего отца. Отец же выбрал и мое имя – Нил, но никто, кроме бабушки, никогда так меня не называл. Мама всегда называла меня Сэм, и даже бабушка к концу своей жизни тоже стала использовать это прозвище. Один или два парня из тюремной службы пробовали называть меня по имени, но хватило их ненадолго.

Кроме того, что у нас не было отца, мы были типичным рабочим йоркширским выводком, большая семья, много похорон и свадеб. Нам с сестрой старательно прививали вежливость. Относитесь к старшим с уважением, говорите «пожалуйста» и «спасибо». Если кто-то предлагает бутерброд, берите – и это никогда не было проблемой для меня, потому что я люблю жратву, так что я всегда брал. Мы были очень бедны: покупка новой пары школьных ботинок сулила тяжелые времена.

Помню, до моих пятнадцати лет мама сходила только на одно свидание, но все изменилось, когда она встретила моего отчима – первого парня, который проявил к ней уважение, хотя поначалу я с ним не ладил – думаю, из-за подросткового максимализма. Но в итоге я понял, как он добр к ней и к нам. До того, как он появился, у нас ничего не было. На праздники и в каникулы мы отдыхали в Уэльсе с дядей Доном и тетей Пэт, каждый год в одном и том же месте: никакой роскоши, зато море любви, так что вообще-то нам повезло. Многие дети этого не понимают.

Вечером накануне того дня, когда мы должны были играть с клубом «Олд Бродлианс» возле Галифакса, мама сказала мне, что на следующий день они с Терри собираются пожениться. Как и следовало ожидать, я был весьма удивлен.

– Ну, – сказала она, – мы уже давно вместе, и я знаю, что ты любишь регби.

Это был ее способ сказать, что мне не нужно приходить. Вот какие мы были: никакой лишней суеты. Я был счастлив за них – Терри заботился о маме, и она начала наслаждаться жизнью. Я был счастлив за себя и за всех остальных, потому что после матча с «Олд Бродлианс» игроки всегда получали горячий пирог и горох.

Моей матери было тридцать восемь лет, когда она покинула нас, и сказать, что ее смерть была шоком, – это ничего не сказать.

Она упала и ударилась коленом, вот и все, а та нога немного беспокоила ее с юности, требовалась пара операций. Сначала она просто отлеживалась, но постепенно ей становилось хуже – она не могла самостоятельно спуститься со второго этажа, – и в конце концов ей пришлось лечь в больницу. Сначала я не

думал, что это серьезно: ты ведь не умрешь, правда? В то время я еще жил дома, но Терри пришлось специально просить меня приехать к ней.

Четыре или пять дней спустя я снова навестил ее, и, хотя, кажется, не было никаких признаков приближающейся смерти, что-то внутри меня говорило об обратном. По дороге домой после того визита мне пришлось припарковать мотоцикл на обочине. Я снял шлем и обнаружил, что рыдаю взахлеб. Она умирала, и я знал это.

Вскоре маму подключили к системе жизнеобеспечения: ее иммунитет был на нуле, и через двадцать четыре часа все было кончено. Она пробыла в больнице всего две недели. Это было шоком не только для меня, но и для моей сестры, для тети Пэт и вообще для всей семьи. Сегодня ты здоров как бык, а на следующий день умер. Я все еще не могу понять этого.

Некоторые люди зажигают свечи в день смерти родителей. Я не помню точной даты, только то, что это было в 1983 году и накануне моего двадцать первого дня рождения. Но я помню день рождения моей мамы, 17 мая, когда я прослезился, думая о ней. Я не плакал в тот день, когда она умерла. Полагаю, я нарочно заглушил все это в себе.

Терри и мама познакомились, когда мне было пятнадцать, так что в общей сложности они прожили вместе около шести лет. Он не настаивал, чтобы я пошел в траурный зал, но я сделал это: впервые с тех пор, как мама умерла, я был с ней наедине. Это было ужасно. Она выглядела милой и умиротворенной, но бальзамировщики не очень хорошо разобрались с посмертными шрамами на ее голове. Я заплакал и поцеловал ее, зная, что ничего в жизни не может быть хуже, чем видеть свою мать в таком состоянии.

После похорон мы с Терри отвезли ее прах в Лодж-Мур, прелестное местечко с утесами, выходящими на Дербишир, где, как мы решили, мама хотела бы остаться. Я провел там бо?льшую часть детства. Был прекрасный день, и мы отправились на прогулку по полю для гольфа к большой скале, туда, где мы с сестрой бегали когда-то. Однако, когда Терри развеял пепел, налетел внезапный порыв ветра, такой, знаете, ответный удар. Мы оказались покрыты пеплом: глаза, уши, нос, как будто мы пролезли через каминную трубу. Мы хорошо посмеялись, а потом почувствовали, что сможем жить дальше.

На кладбище на Сити-роуд в Шеффилде есть мемориальная доска, которую Терри сделал в память о маме, но я никогда ее не видел. В этом весь я, так я справляюсь с проблемами. Я не создан для таких вещей, как размещение слезливых постов в социальных сетях и тому подобное. Она в моем сердце, и этого достаточно.

Наверное, именно потеря мамы в столь юном возрасте помогла мне повзрослеть.

Я не мог позволить себе сломаться, не так ли? Добивайся своего, потому что все может измениться за секунду.

Смерть мамы была одним из трех событий, которые заметно повлияли на меня в те времена. Еще я по глупости женился – брак продолжался полгода, если не меньше, – и пробил себе череп, играя в регби.

Дело в том, что сначала я не понял, что произошло, и после игры в субботу вечером пошел домой, как обычно. То же самое и в воскресенье, немного пива и все такое, и еще я чувствовал себя словно немного одурманенным. В понедельник утром я посмотрел в зеркало в ванной, а мой глаз не двигался – ни вверх, ни вниз, ни из стороны в сторону, вообще. Я пошел прямо в неотложку и оказался в больнице «Роял Халламшир», где сканирование показало в черепе сгусток крови размером с кулак. Если бы я пришел в субботу, сказал врач, меня бы госпитализировали и поставили капельницу, но, поскольку я пил все выходные и все еще был жив, за мной просто понаблюдают. Мне сказали, что через пару недель полегчает, но, если начнутся головные боли, сразу же надо вернуться. Следующие полтора года я мотался туда постоянно. Потребовалось двенадцать месяцев, чтобы глаз снова начал двигаться. Какое-то время у меня двоилось в глазах, и я оглох на левое ухо и частично глухим остался до сих пор. Большинство пациентов в той клинике были маленькими детьми в очках, и я сидел с ними рядом на маленьких стульчиках, а медсестры размахивали мультяшными картинками перед моим лицом. Я выжил.

Кстати, уйдя из школы в семнадцать лет, я прошел курс обучения инженерному делу для молодежи. Несмотря на проваленный экзамен – я больше интересовался регби и бухлом, – это привело меня к моей первой работе на

фабрике по изготовлению ножей в Шеффилде. Девяносто девять часов за девяносто девять фунтов. Если не соблюдать правил в работе со станком, могло и засосать, тогда задница была бы фиолетовой. Там было просто потрясающе – всего тридцать парней на четыреста женщин. Как-то одна девушка поцеловала меня – это было в то время, когда сексуальные домогательства на работе не считались такой серьезной проблемой, как сегодня. И там же, на фабрике, я впервые по-настоящему оказался в критической ситуации.

Это произошло, когда один из ножей застрял между двумя валиками, которые опускались горизонтально, чтобы отполировать лезвия. Машина остановилась, а парень, который пытался все наладить, забыл ее выключить. Он старался выдернуть нож, и вдруг станок вернулся к жизни, затянув его руку. Из парня полезло все: мышцы, сухожилия, жир, что угодно; на плече у него была большая рана. Ролики были горячими, так что он еще и обжегся. Неудивительно, что он потерял сознание от шока, и нам пришлось по очереди поддерживать его. Слесарь двадцать минут возился с гаечными ключами, чтобы разобрать машину и вытащить этого парня. Люди все время жалуются на вредные для здоровья условия на работе и недостаточную безопасность – я и сам это делал, – и иногда, знаете ли, это имеет смысл.

Там же, на фабрике ножей, я встретил девушку, на которой женился. Когда мы шли в загс, я предложил Марку, моему шаферу: «Давай забьем на все и пойдем пить эль».

К тому времени, как он согласился со мной, мы уже были на парковке, а вокруг нас толпились люди.

В следующем месте, где я работал, был один парень, который трудился там уже много лет. Однажды кусок металла отломился от прядильной машины размером с дом и ударил его прямо в лицо, мгновенно убив. Мозги этого бедняги разбрызгало, как при выстреле из дробовика.

К Рождеству 1984 года я достиг веса 133 кг, развелся и очень быстро стал почти бомжом.

К счастью, к тому времени у меня была другая работа, но в остальном – голые половицы, никакого отопления, ни воды, ни ванны, черт возьми. Я отрабатывал двенадцатичасовую смену на фабрике, принимал душ до и после нее, потом шел в паб, напивался и возвращался домой в одиннадцать, утыкался головой в спальный мешок. И снова. И снова. И снова. Это была моя жизнь в течение восемнадцати месяцев, так что я знаю, каково это – быть нищим, хотя у меня была еда в животе и я работал.

Потом меня уволили, и я остался без работы. Наступило Рождество 1985 года, я умирал с голоду, и к тому времени у меня был еще один рот: нужно было кормить собаку, которую я завел в качестве хвостатого друга. Мы следили за старым фургончиком из доставки Express Dairies и таскали картошку и другие продукты с чужих порогов. Ну, я это делал. У собаки не было рук. Раз в неделю я отправлялся к бабушке за горячей едой, но был слишком горд, чтобы ходить туда каждый день с шапкой в руке. Это было, когда тори зажали льготы и хотели, чтобы люди перемещались по стране – знаменитая речь Теббита о том, что надо сесть «на велосипед»[5 - Имеется в виду случай с Норманом Теббитом, членом палаты лордов, который посоветовал безработным «сесть на велосипед». После беспорядков 1981 года в Хэндсворте и Брикстоне Теббит так ответил на слова молодого консервативного национального председателя Иэна Пиктона о том, что беспорядки являются естественной реакцией на безработицу: «Я вырос в 30-е годы с безработным отцом. Он не бунтовал. Он сел на велосипед и поехал искать работу». В результате Теббита часто неправильно цитируют как человека, который просто сказал безработным «садиться на велосипед».]. У меня не было денег уже два месяца, когда один из соседей начал раз в неделю приносить мне пакет с продуктами, что было очень любезно с его стороны, и я как-то держался. На Рождество мы с собакой ели картошку, приготовленную четырьмя способами: жареную, печеную, пюре и жаркое с подливкой. Ну да, я бывал и бездомным, и голодал, но не в одно и то же время. И я не знаю, как люди справляются и с тем и с другим одновременно.

Со временем все пошло на лад. Собака переехала жить к моему дяде, я получил работу на производстве сверлильных патронов и мог себе позволить снова снять нормальную квартиру. Я пробыл на том производстве семь лет; надежная работа спасла мою шкуру. Сначала у меня получалось дерьмово, но, когда завод получил новую линию из Франции, я перешел на нее и спокойно работал – до тех пор, пока компания не была продана Китаю. Однажды мы утром мы пришли туда, а на воротах просто висел замок.

Мой второй брак оказался более счастливым. Моя жена работала медсестрой, и мы прожили вместе пятнадцать лет, пока не начали отдаляться друг от друга.

К 1998 году мы расстались. Затем я три с половиной года жил у Жюли, подруги моей подруги. Это помогло мне, успокоило меня, а моя жизнь теперь включала в себя курсы массажа в колледже, которым руководила Элисон, жена президента нашего регбийного клуба. Я занялся ароматерапией, индийским массажем головы, исцелением рэйки[6 - Рэйки – вид альтернативной медицины, в котором используется техника так называемого исцеления путем прикасания ладонями.] – всякой альтернативной фигней, которая немного духовная и все такое. Я даже начал учить этому других. Я получал 40 фунтов (примерно 4000 рублей) за вечер, занятия проходили два раза в неделю.

А еще я работал вышибалой. Пятничные вечера проводил в «Гейткрэшере» в Шеффилде – для этого места лучше припасти затычки для ушей – или в «Ханрахансе», модном винном баре, привлекающем головорезов и знаменитостей. Джарвис Кокер, Фил Оуки… Все они бывали там. Одним знаменитым, э-э-э, лицом был Дэйн Бауэрс, который снял то знаменитое секс-видео[7 - Дэйн Бауэрс, британский певец, снял видео, на котором занимается сексом со своей девушкой-моделью Кэти Прайс, и позже эта кассета была украдена из их квартиры в 1999 году и стала одним из самых популярных в Великобритании секс-видео с участием знаменитостей.]. Он поужинал у нас со своей подругой и оставил официанткам и поварам сотню фунтов на чай. То же самое он проделал с персоналом бара, который обычно никогда не получает чаевых. На выходе он пожал мне руку, вложив в нее сорок фунтов. Никогда не судите о книге по обложке – полезный жизненный урок.

«Ханраханс» также был тем местом, где мне впервые приставили пистолет к лицу. Два местных бандита вели себя жестко, как черти, и люди испугались. Они поссорились с управляющим и направили пушку на меня.

– Мы можем выпить здесь?

– Мне платят 9 фунтов в час, так что, конечно, можете.

Бар быстро опустел. В тот вечер не было никаких последних заказов[8 - В британских барах и пабах есть традиция последнего заказа: незадолго до закрытия бармен, например, звонит в колокольчик, чтобы предупредить

посетителей, что сейчас можно сделать последний заказ, после чего заказы больше не принимаются.]. Через какое-то время мой двоюродный брат дал мне номер компании, созданной бывшими тюремными офицерами. Он сам был офицером и сказал мне, что я должен позвонить им. Они имели дело только с женскими отделениями психиатрических учреждений, которые бывают разной степени строгости, почти как тюрьмы. Учреждения повышенной безопасности включают такие места, как Рэмптон и Бродмур. Из отделений средней безопасности люди не могут выйти без присмотра. Те два места, с которыми работала эта компания, относились к категории средних.

По сути, они искали наемных силачей, хотя работа на самом деле была гораздо сложнее. Я сказал им, что некоторое время был вышибалой, получил место и остался там на два года. Раньше я ничего подобного не делал. Это был отличный опыт, хотя довольно стрессовый и, безусловно, сложный.

Эти учреждения, в которых я работал, выглядели снаружи как отремонтированные двухэтажные отели. Одно находилось неподалеку от Честерфилда, другое – в Мэнсфилде. В них размещались все, от больных шизофренией до девушек, которые в свое время попали в больницу, потому что забеременели вне брака. Когда я только начинал, меня попросили прочитать несколько дел, не слишком много, но чтобы это могло отложиться у меня в голове. Меня тогда словно холодной водой окатило от всего этого.

Подавляющее большинство пациенток – в возрасте от двадцати до шестидесяти – были травмированы чем-то ужасным или изнасилованы в детстве предполагаемыми друзьями или членами семьи. Одна из них, подвергшаяся насилию со стороны родителей, была отдана под опеку бабушки и дедушки, которые продолжили издеваться над ней. В семнадцать лет она перерезала дедушке горло и воткнула в голову бабушки стилет. Когда я с ней познакомился, она была старухой, которая всю свою жизнь провела в психиатрических лечебницах. Попади она в обычную тюрьму – ее освободили бы через пятнадцать лет.

Поместите кого-то здорового в такое место, и он может заболеть только из-за окружения: оставаясь рядом с психически больными людьми, легко можно перенять их черты.

Компания хотела, чтобы мы вели себя максимально непринужденно и естественно, потому что в таких учреждениях пациенты находились постоянно.

Но все же я был мужчиной в женском окружении, поэтому должен был осторожно себя вести. Не держать руки все время сложенными, как вышибала у двери. Если кто-нибудь из женщин слетал с катушек, я сидел рядом, пока она ужинала, брал ее с собой на прогулку или ходил с ней по магазинам. Как-то раз одна пациентка, моя подопечная, спокойно лежала на кровати, когда вокруг нее начала растекаться лужа крови. Она попросила меня позвать медсестру, и та нашла кусок металла, которым женщина порезала себя.

У нее был лишний вес, как у многих психически больных пациентов. Одним из побочных эффектов антипсихотических препаратов является увеличение веса, особенно у женщин. Представьте себе, что вы психически больны, у вас десятый размер и вы попали в больницу. А через два года у вас уже двадцать второй размер и вы набрали 40 кг. Нехорошо, правда? Металл прошел сквозь верхний слой кожи и слой жира: ее кишки буквально торчали наружу. Но медсестры не суетились. Спешить было некуда.

– Хорошо, дорогая, мы отвезем тебя в больницу, – спокойно сказала одна из сестер.

Ее рану зашили, и на следующий день она вернулась к нам.

Подобное происходило без конца. В честерфилдском отделении было около тринадцати девушек наверху и семь или восемь внизу, и этого было более чем достаточно. В Мэнсфилде их было двадцать, опять же на двух этажах. В некоторые дни там могло быть сорок сотрудников, потому что, если одна начинала буянить, они все выходили из себя. Например, утром кто-нибудь из тех, кто постоянно причиняет себе вред, от чего-то расстраивался. Потом еще одна, и еще, пока к концу дня все вокруг не стояло вверх дном.

Женщины тоже могут быть очень жестокими! Нас били, кусали, в нас плевали, а мы должны были использовать как можно меньше силы для сдерживания.

Одна членовредительница трепала нам нервы тридцать шесть часов подряд. Она порезалась, ей зашили рану, а потом она начала буквально раздирать ее. В какой-то момент, когда мы ее успокоили, ей разрешили вернуться в свою комнату. Она захлопнула дверь и тут же ударилась головой о зеркало. Так оно и

продолжалось. Она успокаивалась, казалось, все кончено, а потом – бам! И все сначала. Мы подкладывали ей под голову подушки, переворачивали ее на другой бок, приносили чай, но она снова и снова причиняла себе вред… Я провел с ней всю свою тринадцатичасовую смену. Мы все время говорили с ней: «Дать тебе попить?», «Хочешь сигарету?» Но стоило ее отпустить, она билась об стену, разбивала чашку о голову или еще что-нибудь. Ей давали успокоительное, и его хватало на какое-то время, но потом она снова начинала буянить.

В общем, это была очень напряженная работа, но в то же время она приносила удовлетворение. Мне нравилось болтать с женщинами, их истории были захватывающими. Мне казалось, что я действительно помогаю людям. Я отлично ладил с некоторыми пациентками, из тех, что очень настороженно относились к мужчинам из-за всего, что с ними произошло. Я очень гордился этим. Некоторые из парней, нанятых на работу, в том числе бывшие тюремные офицеры, были немного неприступными и холодными, но не я. Я вложил в эту работу душу.

Потом мне предложили поработать в частном тюремном секторе. Тюрьма Форест-Бэнк, Солфорд, была как новенькая. Мужское закрытое учреждение категории B, первоначально разработанное как тюрьма максимальной безопасности категории A, но сразу же пониженное на один уровень по причинам, которые мне неизвестны. Оно открылось в январе 2000 года, за год до начала моей работы там. Всего существует четыре категории тюремной безопасности: закрытые тюрьмы высокой безопасности (категория A), где содержатся заключенные, которые считаются очень опасными для общественной или национальной безопасности; закрытые тюрьмы категории B, для заключенных, которые предположительно чуть менее опасны, но для них побег все еще должен быть чрезвычайно трудным; есть закрытые тюрьмы категории C для мужчин и женщин, которые все еще должны находиться в закрытом учреждении, но вряд ли попытаются сбежать. И наконец, еще есть открытые тюрьмы категории D, где содержатся заключенные, которым можно обоснованно доверять.

Частные тюрьмы обычно получают плохие отзывы в прессе по сравнению с государственными.

Так происходит отчасти потому, что, когда их открывают, как правило, нанимают новенький, неопытный персонал. Заключенные чуют слабость за версту, так что любой новичок вскоре становится жертвой террора или мишенью. Еще есть такой момент: когда открывается новая тюрьма, остальные не посылают туда самых тихих и мирных заключенных. Если ты работаешь, скажем, в Даремской тюрьме и слышишь, что можешь отправить двадцать парней в новое заведение, ты ведь не пойдешь в то крыло, где держишь своих белых воротничков? Скорее поспешишь избавиться от всех отбросов – страшных ублюдков, которые не хотят подчиняться. Так было и в Форест-Бэнке. Там я познакомился с несколькими сомнительными ребятами, с которыми позже снова столкнулся, когда их посадили уже в Стрэнджуэйс.

Как я уже сказал, мне нравилось работать с женщинами в тех учреждениях, хотя атмосфера этого места наряду со всеми другими вещами, которыми я занимался (я все еще работал и вышибалой, и массажистом), меня измотала. Настолько, что продал все, что смог, и отправился в Индию со своей квартирной хозяйкой Джули и ее бойфрендом в столь необходимый мне отпуск. Некоторое время я размышлял о тюремной службе – кое-кто из ребят в подразделениях говорил об этом, поэтому я обратился прямо в Форест-Бэнк, и мне предложили работу. В тот самый день, когда мы прилетели домой из Индии, я должен был сообщить им о своем решении. Было бы чертовски легко продолжать в том же духе, бесцельно плыть по течению, не пытаясь остепениться, но голос бабушки в моей голове все время твердил мне: «Никогда не жалей о том, что сделал, только о том, чего не сделал», так что я решил попробовать. Что мне было терять?

Какая-то часть меня хотела остаться в Индии, и я иногда жалею о том, что не поступил так. Но тогда я бы не встретил поджигателя Томаса Райли и сотни таких же придурков, как он.

2. Нахальные детишки

Тюрьма Форест-Бэнк в Солфорде представляла собой современное здание, выходящее окнами на так называемую стерильную территорию – место, куда заключенные никогда не заходят. В нашем случае это был офисный блок, где переодевались, забирали ключи, сдавали телефон или что-то еще по прибытии. Затем, за закрытым транспортным пространством и огороженной дорожкой,

тоже «стерильной», находилась собственно тюрьма.

Начиналась территория тюрьмы с «Главной улицы», около 150 метров в длину и 12 в ширину. В обе стороны от нее отходили различные здания: спортзал, место для обследования только что поступивших заключенных, кухни, часовня, медицинский центр, мастерские и так далее. В конце улицы находился четырехэтажный жилой блок, в котором располагались тюремные крылья – всего шесть, A, B, C, D, E и F, по два этажа в каждом, так что там были блоки A1, A2, B1, B2 и так далее. Все камеры на первом этаже были двухместными, их имелось примерно восемнадцать. Камеры на втором этаже являлись одиночными.

Крылья были залиты естественным светом, потому что стена в конце каждого почти полностью состояла из закаленного стекла. В камерах стояла прикрученная мебель типа той, что можно найти в «Икеа»: открытые стеллажи, маленький столик для еды и все такое, очень компактное и хорошо спроектированное. Очень простое. У каждого крыла имелся свой двор для прогулок рядом с воротами, так что было меньше необходимости сопровождать заключенных.

В Форест-Бэнке, если кому-то из заключенных нужно было идти на работу, его просто выпускали из крыла, и он шел туда примерно тридцать метров сам по себе: тюремный надзиратель не требовался. Перемещаться по тюрьме было гораздо легче, чем в Стрэнджуэйс. Сейчас в Форест-Бэнке содержится больше заключенных, чем в Стрэнджуэйс – около 1600 человек, при этом территория там примерно в четыре раза меньше. Сравнения, впрочем, будут позже. Как бы ни была превосходна планировка Солфорда, начало работы там все же было настоящим шоком для меня.

Я приехал из Шеффилда и в то первое утро, помню, сидел в машине на парковке уже за час до начала рабочего дня, просто смотрел на стены и срался от страха. Смогу ли я быть достаточно жестким? Неужели мне придется драться с людьми каждый день? С чем именно мне придется столкнуться? Я обучался девять недель в специальном центре, но это дерьмо стало реальным только что. Распорядок дня снова выдержал бы сравнение со Стрэнджуэйс, только не в таком позитивном свете. Поскольку это место было компактным и хорошо спроектированным, там требовалось меньше персонала, и поэтому было не так уж много коллег-офицеров, чтобы затеряться среди них. И первое, что сделала тюрьма, – это вывела нас на Главную улицу, где примерно как раз 300 заключенных шли на работу. Они все глазели на нас и спрашивали: «Что,

обосрался, босс?» – и все в этом роде. Один, проходя мимо новенького офицера, сказал: «Бу!» Паренек подпрыгнул, и они все заржали. В этой тюрьме каждый был сам по себе.

В течение первой недели я работал в крыле, где жили заключенные в возрасте 18–21 год – кошмарные ребята.

Они ведь уже не дети в таком возрасте, правда? Когда мне исполнился двадцать один, я занимался регби. Каждая смена, начинавшаяся в половине шестого утра, казалась бесконечной; слово «стресс» вообще не передает тот накал страстей. Над нами просто издевались. К восьми вечера заключенных нужно было запирать. Было уже полдевятого, и мне пришлось позвонить, чтобы позвать на помощь. Подошел управляющий с еще одним офицером, и – бац! – двери с лязгом захлопнулись. Возвращаясь каждый день домой в Шеффилд, я не понимал, что, черт возьми, происходит в моей жизни. Но я знал, что ни за что не сдамся; голос моей бабушки снова и снова звучал у меня в голове.

В то время в Форест-Бэнке было два крыла с молодыми преступниками, построенных, как и любое другое тюремное крыло, чтобы вместить восемьдесят шесть заключенных, хотя учреждение никогда не было забито до отказа. Блок A1 был для обычных молодых преступников, A2 – для хорошо себя ведущих молодых преступников. То есть это были парни, которые вели себя достаточно хорошо, чтобы заслужить такие привилегии, как дополнительные визиты родственников и все в таком духе. Блок B1 был предназначен для молодых преступников, находившихся под следствием, и B2 – для хорошо себя ведущих молодых преступников под следствием. На каждом этаже по три сотрудника, включая меня в крыле B. Там было много больших и жестоких парней, у которых действительно уже была пробита башка. Они дрались каждый день, не обязательно с нами – просто друг с другом. Все знали, что эти так называемые дети – одни из самых жестоких заключенных в тюрьме. Некоторые из них выглядят взрослыми или большими, но все они нуждаются в управлении твердой рукой. Тем, кто решается работать с молодыми правонарушителями, я аплодирую стоя.

Дрянные инциденты случались очень часто и не всегда в самом Форест-Бэнке. Меня и еще четырех офицеров попросили отвезти совсем молоденького парня по имени Марк в больницу в Ливерпуле. Мне говорили, что он жестокий и

непредсказуемый преступник. Было в нем что-то определенно странное, отстраненное. Обычно в больницах заключенных помещают в боковую палату, подальше от остальных. Но не в этот раз. Мы вошли в огромное помещение, размером с церковь. Там было полно народу, и знаете что? Не все смотрели на него. Они уставились на нас.

Атмосфера накалялась. Вслух раздавались комментарии: «Тюремные ублюдки». Я хотел на этом закончить и отвезти Марка обратно в тюрьму.

Потом кто-то из зрителей предложил избить нас, и дежурный офицер, здоровяк, очень рисковый, вдруг сказал: «Ничего страшного, что вы смотрите на нас так, вы ведь не знаете, что сделал этот урод».

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил этот зевака.

– Ну, подумай.

– Он что, гребаный насильник?

Теперь я не знал, что его ждет, но чувствовал, что атмосфера изменилась, а он все еще был на моем попечении, но все стало еще более враждебным, только теперь целью был Марк. К счастью, одна из медсестер увидела, что происходит, и быстро отвела нас в боковую палату.

Вернувшись в тюрьму, я решил сунуть нос в его досье в компьютере, и то, что я обнаружил, ужаснуло меня. Он вломился в дом пожилого одинокого мужчины, ограбил и убил его, а затем вернулся и две недели трахал труп. Это ведь не просто подростковое хулиганство, да?

Тюремный контингент может меняться, и на каком-то этапе тюрьма решила, что B1 и B2 больше не нужны для молодых преступников, они нужны для взрослых. B2 опустошали первым, хотели сменить постельные принадлежности, немного подкрасить стены и все такое, но заключенные не были этому рады. Они угрожали бунтом и были посажены обратно по своим камерам. К тому моменту, когда пришло время сменить заключенных B1, мы избавились от нескольких человек на обоих этажах и сократили число заключенных до сорока или пятидесяти. Однако все они по-прежнему отказывались успокоиться, все до единого. Поэтому руководство сказало, что мы сначала возьмемся за лидеров,

так как они обычно самые хлопотные и болтливые.

Среди них был один член банды, Ярди, парень, с которым я хорошо ладил, вежливый, он нас совсем не беспокоил. Мы облачились в СИЗ – средства индивидуальной защиты, – и Ярди оказался первым в нашем списке. СИЗ носили в ситуациях «сдерживания», там, где было возможно: они были удобны в бою, и сам их вид угрожал. Пятьдесят сдерживаний – это очень долгий день, так что, будучи «тихим», Ярди был идеальным ребенком, начав с которого можно задать тон.

– Он должен кричать, – сказал управляющий.

Ярди и в самом деле кричал. Он орал на все гребаное крыло. Мы вошли вчетвером, здоровенные парни, но пойдет ли он с нами? Он не пошел. Он брыкался и сопротивлялся изо всех сил. Любой наблюдатель мог бы увидеть здесь излишнюю жестокость, но, как всегда во время сдерживаний, процесс на самом деле контролировался с нашей стороны и был хорошо организован. Ярди, однако, упирался изо всех сил, отказываясь покидать крыло. Какой же он поднял шум! Но, как бы то ни было, в конце концов нам удалось вытащить его оттуда.

Там находился и другой парень, настоящий мерзавец. Он был плохим парнем, хулиганом, который мне совсем не нравился. Через пять – десять минут настала его очередь. До этого он кричал: «Дерись с ними, Ярди, наподдай им, Ярди…» Так что мы ожидали новых неприятностей. Но, когда мы открыли его камеру, он вышел, опустив голову, тихий, как ребенок, которым он и был на самом деле, и пошел с нами. После этого остальные сдались безо всяких проблем.

Восемнадцати месяцев в такой обстановке мне было более чем достаточно. Казалось, прошла тысяча лет.

Я полностью выгорел и перешел в изолятор, куда настоящие плохие парни попадают для дополнительного наказания, а иногда и просто для собственной защиты.

В Форест-Бэнке изолятор представлял собой коридор, в который входили через двустворчатые двери. Слева от входа был офис, справа – «специальная камера», временный блок для самых беспокойных новоприбывших, парней, которые брыкались и были опасны для своего здоровья и здоровья персонала, – внутри

постамент, на котором можно было сидеть или лежать, ни туалета, ни раковины. В наши дни, когда все говорят о правах человека, такие места являются самым последним средством угомонить кого-то. Всего там было двадцать две камеры, все одноместные. Кроме того, здесь была раздаточная, где подавали еду, комната для собраний и небольшой двор для упражнений.

Каждый день, по предварительному заявлению, заключенные в изоляторе, те, что были за что-то наказаны, могли сделать телефонный звонок, часовую зарядку и принять душ. Это максимум.

Им даже не разрешалось заходить в раздаточную, чтобы забрать свою жратву. Мы наполняли тележку и везли еду в их камеры, по три приема пищи зараз, и почти весь день эти ребята проводили взаперти. Те, кто не был наказан – в Форест-Бэнке не было крыла для уязвимых заключенных в тот момент, хотя однажды у нас было одиннадцать сексуальных преступников разом, – выходили из камер на несколько часов в день, вместе проводили время в общей комнате. В целом, однако, это было все равно довольно уныло.

Вход в камеру номер семнадцать, в дальней правой части коридора, был единственным слепым пятном для камер видеонаблюдения, и каждый заключенный знал это. Снаружи был еще один непросматриваемый небольшой участок дворика для прогулок, но это все. Никого не могли заснять, когда он входил в семнадцатую камеру. Если попадался настоящий чертяка, можно было пригрозить посадить его в ту камеру, и он сразу затихал[9 - Тут имеется в виду, что вход в эту камеру не просматривался, так что заключенного, который жил там, легко могли убить.]. Я не говорю, что мы давали таким заключенным пинка или что-то в этом роде, но деструктивные заключенные надоедают всем, включая сокамерников, поэтому невысказанной угрозы было достаточно. Это было опасное крыло Форест-Бэнка. И мы должны были использовать любое средство, которое было в нашем распоряжении.

Старик ехал кататься со своей женой, когда совершил ошибку, посигналив водителю, который только что выехал на него. Казалось бы, мягкий упрек, но реакция на него оказалась совсем не мягкой. На самом деле это было безумие.

Старик за рулем не знал, что Майкл Кеннеди, которому он посигналил, был жестоким маньяком. Хотя он и не был самым крупным парнем, всего, может быть, 160 см и довольно тощий, зато обладал силой дикого кабана. Машину пожилой пары он сбил с дороги, ошеломленного водителя стащил с сиденья. Вытянув руку мужчины через капот, Кеннеди рубанул его по плечу мачете. Потом он вытащил женщину из машины и начал рубить ее. К счастью для этой пары, им помогли проезжающие мимо. Просто невероятно, что никто не погиб, хотя любой здравомыслящий человек, представив своих родителей или дедушку с бабушкой в такой ситуации, понял бы, что шансов у них было немного. Люди совместными усилиями сдержали Кеннеди и отдали его полиции. В любой системе мер он был ужасным подонком. Но однажды я спас ему жизнь.

В тюрьме мы следили за ним, как ястребы. Специально для него выделили трех сотрудников плюс старшего офицера и дежурного менеджера тюрьмы, который работает вне крыла, но приходит туда, где что-то случилось. По сути, именно такой человек должен был быть там, когда Кеннеди выпускали из камеры. Даже сумасшедшим не помешает иногда хорошенько помыться, и в то воскресенье я решил, что ему нужен душ.

Однако Кеннеди представлял собой не только опасность для пожилых водителей, но и серьезную угрозу для женщин: ему следовало запретить контакты с дамами. И конечно же, дежурным менеджером в тот день была женщина, и, кроме меня, остальные члены команды тоже. Преступник стоял бы перед нами с голым задом, поэтому я попросил выделить еще офицеров-мужчин, чтобы можно было сказать: «Вы трое, разберитесь с этим». Но, как обычно в выходные, у нас не хватало персонала, и, когда дежурная спустилась, она решила, что у нас достаточно сил, чтобы в принципе справиться с ситуацией.

Я не беспокоился о физическом сдерживании этого клопа – я видел и более мелких парней, которые были злее и опаснее, – но Кеннеди был очень непредсказуем и хитер. Я никогда не повернусь спиной ни к кому в тюрьме, и уж точно не повернусь спиной к нему.

– Послушай, Микки, – сказал я. – Мы тебя сейчас выпустим, так что давай без шуток, а?

Мы отодвинули засов, и он с важным видом вышел, подошел прямо к одной из офицерш и приобнял ее.

– Как ты, милая? – спросил он. – Хочешь пропустить по стаканчику, когда я выйду?

Он ни на кого не нападал и никого не оскорблял, но это все равно было неуместно, и девушка попыталась оттолкнуть его. Остальные замерли, не до конца понимая, что делать в такой ситуации.

– Давай, Микки, – сказал я, – иди в душ.

Мы говорили с ним довольно ласково – «милый», «дорогой», – но в конце концов его туда загнали.

Поскольку заключенные в этом крыле опасны, занавеска для душа закрывает только половину тела. Нужно видеть их, чтобы говорить с ними и вовремя понять, если они что-то задумали. Дежурная совершила классическую ошибку.

– За что тебя посадили? – спросила она.

Никогда не стоит спрашивать заключенного об этом, если только не заполняешь бумаги.

– Я отрубил руку одному старику, – сказал он.

– Что ты сделал?

– Я отрезал руку какому-то старикану, милая.

– Выходит, ты просто отвратительный?

Кеннеди посмотрел на меня.

– Мистер С., – спросил он, – что значит «отвратительный»?

– Что ты ужасный ублюдок, Микки, – сказал я, и он взорвался.

Он выскочил из душа, совершенно голый, и двинулся на нее. В конце концов я удержал его, но два человека получили небольшие травмы.

Этого парня трудно было уложить на пол, особенно когда он был скользким и мокрым, а его пенис болтался туда-сюда. Мысль об этом забавляет меня сейчас, но было совсем не смешно тогда, тем более что девица, которая оскорбила его, быстро свалила, не нажав на кнопку тревоги – в начале любого происшествия нужно сделать это, чтобы другие сотрудники знали, что что-то случилось, и к вам поспешила подмога. Вместо нее это сделала одна из офицерш. Прибыли новые сотрудники, и парень вернулся за решетку.

Он плохо себя вел уже две недели. Чего он хотел этим добиться?

Вернуться в тюрьму «Ливерпуль», но мы знали, что этого не произойдет. Ни одна тюрьма не станет забирать плохих мальчиков из изолятора, если этого можно не делать. «У нас тут Майкл Кеннеди отказывается от личной гигиены, напал на персонал…» – он никуда отсюда не денется, не так ли? Вы бы рады избавиться от него, но таких преступников никогда не переводят.

Поведение этого придурка стало хуже после того случая в душе. Однажды я поспешил на вызов – у всех в камерах есть кнопки вызова на крайний случай (понятное дело, не для вызова горничной). Сигнал поступил не от Кеннеди, но, проходя мимо его камеры, я почувствовал запах дыма. Я заглянул внутрь и увидел, что там бушевал огонь.

Пламя было невысоким, но пол уже казался оранжевым. Под ложечкой засосало от страха, я прокричал предупреждение и достал шланг. Дверь была раскалена докрасна, от нее шел пар. Взломав засов, я лег на пол и несколько минут обдавал камеру водой. Кеннеди тоже лежал на полу, его торс тлел. Дым был едким и, кажется, заполнил все. Люди кашляли и задыхались. Кто-то помог мне вытащить преступника в коридор, где, не обращая внимания на сильные ожоги, мы перевернули Майкла, и я начал делать искусственное дыхание, сердечно-легочную реанимацию.

Когда я начал нажимать ему на грудную клетку, изо рта у него повалил дым – вот что я запомнил ярче всего. Дым вырывался из глотки, и я не мог не вдохнуть его тоже. Но я продолжал откачивать его, пока не прибежали медсестры и не воткнули ему в горло трубку. Как только скорая увезла его, кто-то приготовил нам чай. Я все еще кашлял, меня тошнило. Один офицер побелел, чувствуя тошноту, и начальник тюрьмы отпустил его передохнуть. Справедливо. Как Кеннеди устроил все это? Кто знает. Тогда зэки могли курить в своих камерах, но прикуривали для них сигареты мы, потому что зажигалок им иметь не разрешалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Игра слов: firestarter можно перевести как «подстрекатель» и «поджигатель».

2

Кит Чарльз Флинт – вокалист и танцор британской электронной группы The Prodigy, песня которой звучит в тот момент.

3

Строчка из песни Firestarter: I’m the trouble starter, punkin’ instigator.

4

Мэри Берри – британская кулинарная писательница и телеведущая, которую часто называют «лучшей подругой домохозяек».

5

Имеется в виду случай с Норманом Теббитом, членом палаты лордов, который посоветовал безработным «сесть на велосипед». После беспорядков 1981 года в Хэндсворте и Брикстоне Теббит так ответил на слова молодого консервативного национального председателя Иэна Пиктона о том, что беспорядки являются естественной реакцией на безработицу: «Я вырос в 30-е годы с безработным отцом. Он не бунтовал. Он сел на велосипед и поехал искать работу». В результате Теббита часто неправильно цитируют как человека, который просто сказал безработным «садиться на велосипед».

6

Рэйки – вид альтернативной медицины, в котором используется техника так называемого исцеления путем прикасания ладонями.

7

Дэйн Бауэрс, британский певец, снял видео, на котором занимается сексом со своей девушкой-моделью Кэти Прайс, и позже эта кассета была украдена из их квартиры в 1999 году и стала одним из самых популярных в Великобритании секс-видео с участием знаменитостей.

8

В британских барах и пабах есть традиция последнего заказа: незадолго до закрытия бармен, например, звонит в колокольчик, чтобы предупредить посетителей, что сейчас можно сделать последний заказ, после чего заказы больше не принимаются.

9

Тут имеется в виду, что вход в эту камеру не просматривался, так что заключенного, который жил там, легко могли убить.

Купить: https://tellnovel.com/semvort_nil/glazami-nadziratelya-vnutri-samoy-surovoy-tyur-my-mira

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити